

на железных дорогах суть местные хозяева оных, и что Полицейские Управления учреждены столько же с целью оказания им помощи в пределах, законом дозволенных, как и для общего наблюдения за благочинием». Иными словами, жандармские полицейские управления железных дорог являлись ведомственным силовым органом Министерства путей сообщения.

В апреле 1866 г. по ходатайству П.А. Шувалова было создано полицейское управление Царскосельско-Петергофской железной дороги. Назначенные в него жандармы стали подчиняться Корпусу жандармов, а не инспекции железных дорог. Министр путей сообщения П.П. Мельников о создании полицейского управления заранее не был уведомлен. Этим шагом П.А. Шувалов ясно показал, что собирается вывести все жандармские полицейские управления железных дорог из подчинения инспекций железных дорог.

И действительно, в декабре 1866 г. на основании доклада шефа жандармов императору Александру II последовал указ «Об обязанностях и подчинении жандармских полицейских управлений железных дорог». В соответствии с указом на железнодорожных жандармов кроме обязанностей общей полиции возлагались наблюдательные обязанности политической полиции. В связи с этим все жандармские полицейские управления железных дорог полностью передавались в подчинение Корпусу жандармов. Комплектование, прохождение службы и ответственность железнодорожных жандармов теперь зависели непосредственно от жандармского руководства. Взаимоотношения с железнодорожной администрацией сводились к тому, что чины полицейских управлений железных дорог обязаны были исполнять все предписания министра путей сообщения, обращенные к ним непосредственно, и исполнять все законные требования инспекции железных дорог, не противоречащие их обязанностям, касающиеся восстановления нарушенного порядка, а равно успешного и безостановочного движения всех поездов (в случае невозможности выполнить требования железнодорожной инспекции жандармы должны были об этом докладывать своему руководству); инспекторам железных дорог при установлении нарушений со стороны жандармов предоставлялось право доводить сведения об этом до шефа жандармов.

9 сентября 1867 г. император Александр II утвердил Положение о Корпусе жандармов, которое определяло структуру и управление Корпусом жандармов, права и обязанности жандармов, комплектование корпуса, содержание и управление хозяйственной частью. Основные принципы организации служебной деятельности, заложенные в Положении о Корпусе жандармов, просуществовали практически без изменений до 1917 г. и распространялись на всех жандармов, в том числе железнодорожной полиции. Принятие этого Положения стало завершающим этапом жандармской реформы. Железнодорожные жандармы подчинялись шефу жандармов, который осуществлял руководство по строевой части через штаб корпуса, а по наблюдательной части – через III отделение собственной его императорского величества канцелярии. Непосредственное руководство и контроль за деятельностью жандармских полицейских управлений железных дорог осуществляли структурные подразделения штаба Корпуса жандармов, в частности до 1893 г. – пятое отделение штаба, после 1893 г. – третье отделение.

Таким образом, в результате жандармской реформы все жандармские полицейские управления железных дорог были подчинены руководству Корпуса жандармов. Проведенная реорганизация позволила железнодорожным жандармам стать независимыми от железнодорожной администрации в своей деятельности по обеспечению общественной и государственной безопасности на железнодорожном транспорте. Подразделения жандармской железнодорожной полиции приобрели новый статус в государственном механизме – органов правопорядка Российской империи.

УДК 340.13(043.3)

В.И. Павлов

О РАЗВИТИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ: ОТ СИСТЕМНОСТИ К КОНФИГУРАТИВНОСТИ

Эффективное функционирование национальной правовой системы сегодня во многом зависит не только от качества законодательства, стабильности работы государственных органов в рамках национального правового пространства, но и от сложных процессов надгосударственного характера, которые с каждым годом выступают все более серьезным внешним фактором функционирования национального права. Не только собственно международное право и его институты, не только соглашения транснациональных корпораций, региональных союзов, блоков оказывают активное влияние на национальные правовые порядки, но и трансрегиональные процессы в сфере политики, экономики, финансов, культурные и этические нормы активно проникают во внутринациональные правовые пространства.

События, связанные с недавним мировым финансовым кризисом, показали, что ни одна национальная правовая система, которая претендует на суверенное развитие и возможность определять параметры своей деятельности на основе сохранения и трансляции аутентичных цивилизационно-культурных содержаний, не может быть застрахована от дестабилизации. Этот объективный факт обязывает отечественную правовую доктрину пересмотреть основные теоретико-методологические положения функционирования национальной правовой системы в направлении разработки такого проекта ее развития, который бы соответствовал условиям современной правовой реальности.

Сегодня Национальным центром законодательства и правовых исследований Республики Беларусь разрабатывается акт, в котором будут изложены основные положения такого проекта. Однако для создания полноценного проекта необходимо прежде всего развитие методологической конструкции учеными-теоретиками, что еще только предстоит сделать.

Обозначим один из аспектов такого проекта, связанный с наиболее важным фактором развития национального права – фактором его со-временности, или адекватности социальной практике.

Основная проблема, стоящая перед национальным правом сегодня, может быть сформулирована следующим образом: как поддерживать временную адекватность развития права при постоянной необходимости его нормативного и институционального обновления и одновременно сохранять базовые идеономотетические, или, говоря по-другому, ценностно-юридические, основы развития национального правопорядка?

Почему мы говорим о том, что для национального правопорядка сегодня важен именно этот, ценностно-темпоральный аспект развития, т. е. адекватность права практике, но, например, не говорим о качестве институтов, нормативной регламентации всех наиболее важных социальных отношений, законности и т. д. (как это было в советском государстве)? Дело в том, что современность (или постсовременность) связана с двумя принципиально новыми аспектами онтологического порядка: ускорением времени за счет интенсификации событийного ряда современности (в том числе за счет его симуляции) и нивелированием различия и, как следствие, складывания реальности в тотальность. И первый, и второй аспекты обусловлены развитием техники. Именно техника, технология,

инновация ускоряет современную социальную практику. Захваченные техникой, человек и социум таким образом захвачены поставляющим производством как раскрытием действительности через поставление ее в состояние в наличии, суть которого заключается в возможности распоряжаться действительностью, природой, миром. Для чего? Для того чтобы снова и снова иметь действительность в распоряжении. Но для чего? Для того чтобы скрыться в поставляющем производстве от самого себя. Это глубинная интенция рынка и задаваемых им жизненных стратегий в обществе потребления. Как говорит М. Хайдеггер, человек, захваченный поставляющим производством, уже не может встретиться среди предметов своего представления (= потребления) самого себя.

В правовой системе ускорение времени и нивелирование различия приводит соответственно к умножению социальных и антропопрактик, объективно требующих правовой регламентации, и унификации этих практик в транснациональном масштабе, или интенсивному импорту этих практик в национальное правовое пространство, что требует их тщательного исследования на предмет соответствия цивилизационно-культурным кодам. Разумеется, в центре этих процессов находится антропологическая проблема, связанная с господствующими и желаемыми для национального правопорядка практиками.

Такая текучая современность (З. Бауман) и выдвигает, на наш взгляд, проблему создания проекта, в основе которого бы размещалось положение о новом либо по крайней мере дополнительном способе развития национальной правовой системы. Кратко этот способ можно назвать конфигуративным, или пластичным.

Суть проекта заключается в следующем. В современных условиях правовое регулирование должно представлять не просто функционирование статичных элементов, объединенных в систему права (иерархические связи по типу «норма – институт – отрасль»), но скорее работу конфигурации различных правовых средств. Под конфигурацией здесь понимается архитектура, состав, характеристики и организация связи между правовыми средствами, разнесенными на основные и периферийные.

Основное место в конфигурации принадлежит ценностно-правовому ядру, содержащему базовые (идеонорматические) основания аутентичных антропологических практик и соответствующей цивилизационно-культурной модели (прежде всего нравственно-правовые, культурные, хозяйственные основания правовой жизни). Ценностно-правовое ядро отвечает за качественный аспект национальной правовой системы. Качественный аспект представляет собой такой тип правового регулирования, который бы наиболее полно, т. е. максимально количественно, обеспечивал выражение и закрепление ценностно-правовых параметров развития национального права. Максимальное количество правовых ценностей – это такое количество, которое бы обеспечивало срабатывание ценности и ее адаптивное появление и закрепление в месте появления нового вида регулируемых правом общественных отношений таким образом, чтобы эта ценность (как качественная характеристика) блокировала бы возможность трансформации того или иного правового института за счет умножения количества видов и подвидов деятельности и соответствующих им нормативных актов.

Второстепенное место в конфигурации национального права должно принадлежать правовой периферии, которая представляет собой новые, постоянно разветвляющиеся виды регулируемых правом общественных отношений (а они постоянно разветвляются объективно – это новые правовые институты, виды правоотношений соответственно новым видам деятельности, социальной практики). Правовая периферия отвечает за количественный аспект национальной правовой системы. Несмотря на то что обеспечение стабильности национального права (как соответствия нормативного порядка социальной практике) возможно только за счет разветвления периферии права в ответ на появление социальных практик, здесь необходимо выдерживать количественный баланс, т. е. некое оптимальное количество видов нормативных правовых актов для эффективного правового регулирования. Однако даже при необходимости объективно увеличивать нормативный массив в случае использования предложенного проекта можно поддерживать действенность национальной правовой системы за счет качественной фиксации новых областей в ценностно-правовом ядре через «набрасывание» в рамках национального правового пространства сетки ценностно-правовых приоритетов.

Таким образом, временное соответствие национального права может быть обеспечено при сохранении и трансляции ценностных основ правовой жизни.

Кратко проиллюстрируем сказанное на примере развития законодательства в правоохранительной сфере. Как известно, на постсоветском пространстве (Украина, Грузия, Казахстан) сегодня осуществляется смена моделей процесса, в особенности уголовного (административного), которая является по сути сменой парадигм публичного права. Прежняя советская модель процесса (кстати, в отечественном праве она сохранилась наиболее полно) постепенно исчезает. Причина здесь не в произвольном жесте законодателя (хотя, например, в отношении Грузии этого не скажешь), а в требовании времени. Социальная практика, отношения, которые подлежат процессуальной регламентации, больше не стягиваются советским метанарративом, они производятся принципиально иначе на основе современных практик правовой субъективации, формируемых либеральной культурой потребления. Вследствие этого прежние процессуальные модели становятся низкоэффективными. Высший хозяйственный суд Республики Беларусь, например, активно выступает за введение внесудебных хозяйственно-процессуальных процедур (см. закон Республики Беларусь «О третейских судах», проект закона «О медиации»). Эти процедуры являются элементами иной процессуальной парадигмы и содержат в себе имплицитный ценностно-правовой слой, который конфликтует с имеющейся сегодня моделью процесса. То же можно сказать об уголовно-процессуальном законодательстве. Изменения в п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК Республики Беларусь, обсуждение возможности введения прототипа *plea bargaining* – эти и подобные им новации являются не чем иным, как мягким «демонстражем» господствующей сегодня модели уголовного процесса. Однако в этих реформах, несмотря на их социальную обусловленность и действительную потребность для практики, имеется опасность вымывания базовых идеонорматических основ национального правопорядка, лежащих в цивилизационно-культурном опыте белорусского народа. Как предотвратить эти риски? На наш взгляд, предложенный конфигуративный проект развития национального права дает такую возможность, хотя направление развития отраслевого аппарата и нуждается в дальнейшем прояснении.

УДК 349.74

В.А. Рябоволов

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА КАК ОДИН ИЗ ПРИНЦИПОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Принцип профессиональной этики нашел свое закрепление в новой редакции закона Республики Беларусь «О государственной охране». Таким образом, законодатель сделал акцент на морально-этическом облике сотрудников органа государственной охраны, требования к которым находятся в зависимости от особенностей решаемых ими задач.